

Дмитрий Грачёв

**Некоторые записи
в блокноте
пантеиста**

Дмитрий Грачёв

**Некоторые записи
в блокноте пантеиста**

«Издательские решения»

Грачёв Д.

Некоторые записи в блокноте пантеиста / Д. Грачёв —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937461-5

«Некоторые записи в блокноте пантеиста» — это сборник коротеньких рассказов о том, что Господь Бог, скорее, идентичен Природе, Космосу, Вселенной, Реальности, чем антропоморфному, мудрому и вездесущему старцу на облаке, а в жизни много есть того, что и не снилось нашим мудрецам и богословам...

ISBN 978-5-44-937461-5

© Грачёв Д.
© Издательские решения

Содержание

Чистилище отца Митрофана	6
Симпатичная теория	11
Необыкновенная встреча	14
Сон	18
Исполненная мечта	21
Связь миров	25
Икона	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Некоторые записи в блокноте пантеиста

Дмитрий Грачёв

© Дмитрий Грачёв, 2018

ISBN 978-5-4493-7461-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чистилище отца Митрофана

«В начале сотворил Бог небо и землю...»

Бытие. ст.1

«...И сказал я: «Господи, прежде чем пал Сатанаил, в какой славе пребывал он у Отца Твоего?» И сказал он мне: «В такой славе был, что управлял силами небесными. Я же сидел возле Отца Моего. Сатанаил управлял всеми, следовавшими за Отцом, и нисходил с небес в преисподнюю, и восходил от низших миров до самого престола невидимого Отца. Он оберегал слово, что приводит в движение небеса...»

Тайная книга Иоанна. ст.2

Отец Митрофан, приходской священник небольшой Свято-Троицкой церквушки уездного городка «N», умер спокойно и тихо, во сне, о чем на утро все окружающие были оповещены колокольным звоном и горестным плачем старух-прихожанок. Отца Митрофана очень любили. Священником он был строгим, но справедливым. Службы вёл по чину, не безобразничал, а некоторые, особенно ретивые прихожане, считали его чуть ли не святым.

Жизнь батюшка вёл безгрешную, скромную и, разумеется, место уготовил себе в Раю, в Царствии Небесном, на одном облаке с ранее почившими святыми и Отцами Истинной Православной Церкви. Так думали многие. Так думал и сам отец Митрофан. И когда сердце батюшки остановилось, а взору предстал ослепительный чудный свет, манящий своей непостижимой красотой и теплом, мягким, словно поцелуй матери, отец Митрофан, не задумываясь, шагнул ему навстречу. Но в тот же миг земля под его ногами разверзлась, открывая непроглядную черную пустоту. Батюшка оступился, покачнулся и кубарем полетел вниз.

Падение было долгим. Тьма вокруг то сгущалась, то уступала место каким-то цветным всполохам, резко меняла направление и порой было трудно уловить – падаешь ли вниз или летишь куда-то вверх. В ушах стоял свист и шум, как в вагоне электрички, если высунуть голову в окошко на полном ходу, всё тело крутило и выворачивало наизнанку и, если бы отец Митрофан не знал, что он мёртв, то точно бы не раз опорожнил свой кишечник.

Но, наконец, шум и грохот стали стихать, падение замедлилось, и измученный батюшка плавно опустился на что-то мягкое и тёплое. Непроглядная тьма вокруг стала медленно рассеиваться, уступая место столь привычному ранее дневному свету, уши уловили не то щебетание птиц, не то какую-то легкую и очень приятную мелодию, а ноздри заполнил аромат свежих цветов.

Отец Митрофан огляделся. Он сидел в шикарном кожаном кресле посреди огромного кабинета, тщательно и богато отделанного позолоченной лепкой, золотыми светильниками, какими-то ещё «прибамбасами». Стены этого «дворца» были украшены старинными гобеленами, картинами в тяжёлых резных рамах. В углу тепло потрескивал изразцовый камин, над которым хоть и хаотично, но явно с умением и вкусом было развешено средневековое оружие. Огромные окна, за которыми ласково светило солнце, были бережно обрамлены тяжеленными бархатными шторами, ниспадающими на дубовый, безукоризненно блестящий полированный паркет. А впереди, за массивным, не иначе как из красного дерева, резным столом сидел и внимательно, даже снисходительно рассматривал отца Митрофана чёрт.

Конечно, на чёрта в привычном смысле этого слова сидящий за столом молодой человек никак не походил, то есть у него не было ни рогов, ни хвоста... Напротив, он был как-то по-голливудски красив и подтянут. Безупречный чёрный костюм изящно сидел на его спортивной фигуре. Большие голубые глаза, тонкий нос, немного пухлые губы в лёгкой усмешке. Лицо с обложки модного журнала. Но отец Митрофан знал точно: это чёрт, самый что ни на есть настоящий чёрт. Не смея отвести взгляда от этой «дьявольской ухмылки», батюшка нащупал

левой рукой в складках своей рясы нательный крест, сжал его до боли, правой рукой перекрестился и стал еле слышно, одними губами, приговаривать: «Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй меня, грешного. Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй...».

«Чёрт» ещё больше расплылся в улыбке, обнажив ровные, ослепительно белые зубы.

— Да полно тебе, отче! – голос его звучал мягко, мелодично и как-то успокаивающе. — Вижу, что ты не особенно-то удивлен нашей встрече? Знаешь, что почил? Да? Ну и отличненько! Не надо будет ничего тебе доказывать. Может лишь, почему к нам попал? Так это, батенька, как говорится, уж за что боролся.

«Чёрт» щёлкнул пальцами, миг во рту у него оказалась тонкая зажжённая сигара. С наслаждением затянувшись, он изящной струйкой выпустил густой, ароматный дым в сторону молящегося священника.

— Господи, Иисусе Христе, сыне Божий... – продолжал вещать отец Митрофан и, вдруг, выкинул левую руку с крестом так, что удерживающая распятие цепочка преобильно впилась ему в шею, закричал:

— Изыди, сатана!

Сигарный дым плавно обволок выставленный крест, протянулся вдоль руки священника, тихонечко скользнул в его раздутые ноздри и, мягко защекодав, вызвал у отца Митрофана неудержимый кашель. «Чёрт» расхохотался:

— Мать честная!!! Какие же вы суеверные, право. Ладно, те – тупицы неучёные. Но ты-то, отче, ведь не глупый человек. Жизнь прожил, учился всему, поди, в академиях. Неужели ты и впрямь полагаешь, что вот эта серебряная безделушка от чего-то тебя спасти может? Серьёзно?

— Крест святой и вера моя – вот лучшее оружие от нечисти бесовской, – прокашлявшись, прошептал отец Митрофан.

— А ведь на таком кресте тот, кого вы за Бога мните, казнён был. Уж тебе-то это известно. Да и не он один. Тысячи и тысячи людишек жизни свои положили на деревяшках скрещенных. Кто за дело: за кражу там, за убийство, кто – за веру вашу, а кто и просто так, по недоразумению. Смертью пахнет крестик твой, и кровью пахнет. Но ведь ты-то скажешь, что это символ? Знаю, что скажешь. И не поверишь – соглашусь. Символ боли, страданий и мучений людских, символ смерти. А вы, дурни, ему поклоняетесь. Лучше поклонялись бы автомату Калашникова или бомбе атомной. Уж она-то одним махом сделает то, что и все кресты за тысячелетия. Вот сидел бы ты сейчас с бомбочкой на пузе... – «чёрт» мечтательно присвистнул. – Эх, толк был бы тот же. Стыдно должно быть, отче. Вот скажи-ка мне, хоть один апостол Христа вашего или сподвижники его первые носили такое украшение? Нет! А уж они всяко лучше знали, что ваш Бог хотел и чему учил. Из первых уст, так сказать. Ты-то какого же ляду нацепил себе побрякушки эти?

«Чёрт» щёлкнул пальцами, и серебряное распятие священника вместе с цепочкой оказалось у него в руке. «Чёрт» внимательно посмотрел на крест, покрутил, как бы прицениваясь, и положил на край стола.

— Впрочем, грамм двести серебра будет или более, – ехидно молвил он, – да и вещица красивая. Дорогая, небось?

— Не смей поганить крест святой, нечисть паскудная, – закричал отец Митрофан. – Отцы церкви нашей православной завещали, чьи нетленные мощи...

Договорить он не успел. «Чёрт» быстро встал из-за стола, подошёл почти вплотную к священнику и навис над ним, как кот над мышью. Голос его гремел:

— Нечисть, значит, паскудная? А молитвы все твои не нам ли посвящены? Храм твой не в наше ли имя? Да что ты знаешь, старик, о Боге, и кто он на самом деле? Смотри сюда, бестолочь стоеросовая.

Вот мощи вашего «преподобного старца S», «чудотворные», исцеляют всех, богатством одаривают. А ведомо ли тебе, что при мощах этих незримо мои меньшие братья сидят и чудеса все вершат, дабы веру в вас, маловеры, поддерживать. Без них это – тьфу, пустые костяшки, труха и смрад. И при других ваших «мощах» и «святынках». Все иконы ваши без нас – ничто. А с нами – «чудотворные». Вот и поклоняйтесь вы им, а суть – нам, «легиону».

— Это всё ложь, ложь... – пролепетал отец Митрофан, – вы цари лжи и не убедите меня. Никогда. Я верю, верю в Господа нашего Иисуса Христа, в Духа Святого, в святую Троицу...

— Мы цари лжи? Нет, это вы лжецы и паскудники. Это вы делаете всё, чтобы никто не узнал истины ни о Боге, ни о сыне его Сатанаиле, ни о творении мира сего. Даже про Иисуса, которого единственным сыном Отца чтите – лжёте и лжёте. Знали сие первые христиане, так вы их на дыбу, на крест, на костёр. Книги их изничтожили, чтобы никто не прознал про преступления ваши. Да только тщетно.

Слышал ли ты, поп, про павликан, богомилов, катар? Про «тайную книгу богомилову»? Нет? Врёшь, паскудник, слышал! И ведомо тебе, что и мир сей, и людишек, то есть и тебя, сотворил владыка мой, Сатанаил. Отец лишь жизнь вдохнул, а остальное сын его сделал. Весь ваш «Ветхий Завет» про то. Только он для вас «Ветхий». Мне же – единственный. Там вы владыку моего Саваофом зовёте, а вовсе не царём лжи, не нечистью, молитесь ему, чтите.

Всё, что есть вокруг, его заслуга: и звёзды, и солнце, и птички небесные, и звери пугливые, все красоты и прелести мира. А что вам, людишкам, ещё надо? Злато, серебро, камни самоцветные? И было так, покуда Отец не решил у Сына своего, коему я служу безвременно, мир сей «отжать» и не послал своего второго сына Иисуса.

Лишь здесь вы вспомнили о дуновении Отцовом, о духе животворящем. И что? Стал вам Иисус Богом? Только говорите так. Вот дал он вам учение своё. Послушали, подумали – вроде всё хорошо. А кто исполняет? Никто! Ведь тогда отказаться нужно от даров моего владыки, что вам так любы. Вот вы и придумали, что так тяжело ученье Иисуса, что и исполнять его не надо. А Спаситель ваш сам говорил: «Время моё легко». Вот ты, священник, исполнял ли заповеди Христовы?

— Всю жизнь исполнял, до самой смерти. И другим требовал, – тихо молвил отец Митрофан.

— Да врёшь ты, висельник! – осклабился «чёрт». – Ведь ты в армии служил? Служил. Присягу давал? Клялся, значит. Молодёжь на службу благословляешь. Мусульман просто недолюбливаешь, а тех, кто за веру свою воюет, пусть и противозаконно, террористов по-вашему, готов сам своими вот руками разорвать. Да что террористов? Ты чем тракториста Спиридона огрел, когда он пьяный за стенкой храма помочился? Ведь он чуть-чуть всего на стену попал.

Ты Нагорную Проповедь, вообще, читал? Истину говорю тебе: там сказано то, что сказано. Без недомолвок, без лишних комментариев, какие вы очень любите. И в проповеди этой всё учение Христа. Только вы его так извратили, что даже я иной раз диву даюсь. Молодцы – одно слово.

А кто супротив, Лёвушка Толстой, к примеру, так вы его от церкви – долой. Нельзя людям правду знать, думать нельзя. И кто после этого цари лжи? Молчишь? То-то же. Хотя, что это я на тебя ополчился. Ведь ты нам столько лет... Верой и правдой... – «чёрт» ласково потрепал отца Митрофана по щеке и отошёл к своему столу.

— Никогда я вам не служил. Никогда! – с надрывом проговорил обескураженный священник. – Всю жизнь я... Русской Православной Церкви... До последнего дыхания...

— Так я об этом и говорю. Ты – добрый священник, истинный гражданин своего государства, оплот и опора своей церкви, а значит, самый первейший мне друг и союзник. Ведь я тебе, любезный, про что толкую: всю свою жизнь ты радеешь о вере, но это Наша Вера. Ты думаешь, что она Христова? Нет. Вы умудрились так всё изгадить и перевернуть, что от христианства в ней осталось лишь название. Да Иисус бы сам распялся, зная, что вы сотворите с его уче-

нием. Ну, вот подумай. Войны вы благословляете, судите, осуждаете, мздоимствуете. Храмы у вас чуть не из золота, а рядом нищие сидят. Угодно ли это Богу? Угодно. Моему и вашему. Саваофу – Сатанаилу. Христа вы предаёте под личиной любви. А как же тот, которого «лица никто не видел и гласа не слышал?». Отец Небесный, то бишь! Так вы сами себе отцы! Так что забудьте. И государство вас поддерживает, а вы, разумеется, государство. Несмотря на то, что именно государство по Христу и есть сборище всех грехов и пороков. Угодно ли это нам? Сто раз – да. Так что и ты, и вся ваша братия не то, что друзья наши, а образцы, так сказать, для подражания.

«Чёрт» снова закурил, выпустил густые, клубящиеся кольца дыма прямо под золочёный потолок. Вид у него был довольный. Чего нельзя было сказать об отце Митрофане. Священник сидел, точно памятник на главной площади, под которым где-то глубоко работало метро, беднягу била мелкая дрожь. «Чёрт» немного помолчал, любуясь на трясущегося батюшку, а затем продолжил.

— Что-то ты, болезный, совсем приуныл. Сказал бы – поделом, но ты мне нравишься. А потому открою я тебе одну тайну. Хотя, и не тайна это вовсе, но всё же... Послушай... Утешение тебе, бедному. Да не трясись же ты, не приведи Господи, второй раз тут окочуришься, – «чёрт» хихикнул. – Итак, в начале сотворил Бог небо и землю. По-простому – дух и материю. Сотворил из себя, разом и везде, по всей вселенной. И уж так получилось, что за материю стал отвечать мой владыка – Сатанаил, за дух же – ваш спаситель, Христос. Но, по сути они – одно целое. Оба вышли из Отца и в него же вернуться. Одно без другого немислимо, потому как являются частью одного целого. Все мы – сыновья Бога: и я, и ты, и Христос, и Сатанаил. Во всех нас присутствует Отец. Вот уж многогранная личность.

А всем остальным дана свобода воли. Каждый сам волен выбрать, к какой стороне, к какой руке примкнуть. Воля эта была у Христа и у Сатанаила. И каждый из них выбрал свой путь. Различны были эти пути, но сыновьями Бога они от этого быть не перестали. Уж поверь, что оба купаются в Его любви. А как иначе? Трудно представить, но вдвоём они в своём противостоянии и единстве и есть Сам Небесный Отец. Так-то вот..., – «чёрт» опять ненадолго замолчал, кашлянул, но тотчас продолжил:

— Что-то я расслабился. Не правда ли, отче? Однако, к делу. Ты, любезный, почил, пора и честь знать. Выгляни-ка в окошко, взгляни на тот «ад», который тебе уготован.

Отец Митрофан, преодолевая скованность в суставах, подошёл к окну. Он ожидал увидеть огненную геенну, чертей со сковородками, дыбы, но за окном он увидел «прекрасный» город. Вдалеке дымил трубами какой-то заводик, по улицам сновали автомобили, автобусы, пешеходы. В небе пролетел серебристый самолёт. Где-то завывала, но почти сразу же оборвалась полицейская сирена. И что удивительнее всего, слух священника уловил бой церковных колоколов. На горизонте маячил величественный златоглавый храм, увенчанный крестами.

— Это какая-то шутка, искушение? – спросил поражённый священник.

— Да уж какие шутки? Ты в моём мире и на своём месте. Но не могу тебе не подсолить напоследок. За «нечисть» и тому подобное. Пенсия тебе назначена в пять тысяч рублей, то есть минимальная, жить будешь по адресу: ***, в коммуналке, с одним алкашом и бывшей шлюхой. Ну, а служить продолжишь в храме. Крест свой заberi, – «чёрт» протянул отцу Митрофану распяты. – И все, ступай. Заболтался я тут с тобой. А у меня, вообще-то, очередь.

Отец Митрофан, окончательно запутанный и потерявшийся, неуверенно двинулся к двери, на которую «чёрт» указал ему украшенным золотым перстнем пальцем.

«Это всё какой-то обман, мистификация, – думал священник. – Может, я и не умер, а сплю в кошмарном сне? Отравился чем-нибудь намедни и вот – бред одолевает?» Но нет! Удар о дверь оказался более чем реальным. Отец Митрофан зачем-то оглянулся на «чёрта», перекрестил его, как бы благословляя, и со словами «Бог с тобой» скрылся за дубовой дверью.

— Со мной, со мной..., – устало проговорил Азазель и откинулся в своем кресле, прикрывая большие лучезарные глаза. Следующим «клиентом» был профессор-атомщик, перебивший какой-то гадости на дне рождения своей супруги. Слава Богу, с ним будет попроще.

Симпатичная теория

«Кто верит в Магомета, кто в Аллаха, кто в Исуа. Кто ни во что не верит, даже в чёрта назло всем. Хорошую религию придумали индусы: что мы, отдав концы, не умираем насовсем...»

В. Высоцкий

Индусы верят, что в собак переселяются души тех людей, которые совершили преступление при жизни и очень хотят искупить свой грех или, по-индийски, улучшить свою карму. Именно поэтому собакам присущи такие качества, как смелость, самоотверженность, преданность и бескорыстная любовь к своему хозяину, другу, готовность пожертвовать ради него всем, даже жизнью. Конечно, это всё выдумки, вы же понимаете. Но мне такая теория очень и очень симпатична.

* * * * *

Жизнь у Семёна не задалась. Вернее, сперва всё было хорошо: школа, спортивная секция, первая любовь... Потом умерла бабушка. Ушла из жизни внезапно, нанеся Семёну сокрушительный удар. Вскоре за ней ушла мать. Два самых дорогих, самых любящих человека оставили Семёна наедине со всем миром. Что отец? Да его и не было никогда. Раньше Семёну говорили, что он полярник и космонавт, но вскоре стало понятно, что его и не существует вовсе, в том смысле, который вкладывают в слово «отец».

Семёна воспитывали бабушка и мать, а когда их не стало, то Семён, не выдержав горя, впервые стал пить. Водка – проклятая штука. Если бы она могла заглушить тоску, то во всем мире, а уж в России-то точно, были бы одни счастливые люди. Ан нет. Проблемы не уходят, тоска возвращается, а водки нужно всё больше и больше. И человек, который встал на этот путь, сперва тратит все деньги, потом продаёт все нужное и ненужное, а затем скатывается и до преступления. Так случилось и с Семёном.

Сначала он пытался приворовывать в окрестных магазинах. Но лихого мальчика быстро вычислили, накостыляли, как положено, и просто перестали подпускать к торговым точкам на пушечный выстрел. Тогда Семён сменил тактику. Выследив какую-нибудь старушку возле здания почты в день пенсии, он, пробегая мимо, выхватывал у несчастной сумку с «заветной добычей» и был таков. Не густо, но хватало. Что до старушек – плевать, у них внуки есть. А я один. И Семёну везло. «Неуловимый разбойник» переполошил весь городок, пока однажды удача не отвернулась от него.

Стояли морозы. Дорожки, тротуары и даже стены домов, казалось, были покрыты тонкой корочкой льда. Холодно, скользко... Главное, скользко. Семён мчался от почты в сторону местного парка с очередной добычей подмышкой, предвкушая запотелый стакан «горькой» и чего-нибудь на закуску. «Класс, ещё дня три-четыре житухи. Гуляй, рванина!» – думал он. Когда Семён перебежал через дорогу, ноги его, одетые в заношенные прорезиненные кеды, заскользили, поехали в разные стороны и «неуловимый грабитель» со всего маху грохнулся затылком о заледенелый асфальт. Запоздалый визг тормозов, гулкий удар, жуткая боль во всём теле и пронзительный хруст костей. И темнота...

Так не стало Семёна, бедного малого, который очень тосковал и умудрялся держать в напряжении и страхе всех пенсионеров в округе.

* * * * *

Боль внезапно ушла. Семён разлепил глаза и беззвучно ахнул. Непонятно каким образом, но он летал. Летал над дорогой, над какой-то фурой, к которой со всех сторон бежали

люди, и у которой под колёсами валялась какая-то красная тряпка. Нет, не тряпка. Это человек. Бедолага. И одет, как я. Такие же кеды, куртка. Или это я? Боже, это я. Нет, нет, не может быть. Ведь я вот, живой. Помогите. По-мо-ги-те!!! Но Семёна никто не слышал. И не видел. Все крутились возле кровавого месива, а когда примчалась «скорая», и вовсе разошлись кто куда.

Небо начинало сереть, и только тоненький голубой луч пробивался из-за самого зенита. Он как будто плясал перед потерявшимся Семёном. Затем этот луч стал расти, заполнять собой всё пространство, точно океан, и Семён поплыл. Поплыл прямо в него. Раньше он никогда не плавал, но сейчас плыл. Мимо дороги с фурой, мимо почты, где пережил столько «приключений», всё выше и выше. Над городом, где жил, над какими-то лесами, над луной. Вокруг только звезды и тени. Холодные, чужие, страшные, и зовут его: «Семён! Семён!». «Нет, не поддамся. Не возьмете», – беззвучно рычит Семён и изо всех сил пытается грести прочь. Легко сказать. Как в бурной реке против течения. Луч-океан затягивает его обратно, вяжет руки, ноги. Но Семён не сдаётся. Гребёт, что есть мочи, не разбирая дороги. «Только бы обратно, на землю, домой... А вот и какой-то сарай. Спрятаться там?!». И, пролетев сквозь крышу, Семён, точнее то, чем он теперь стал, со всего размаху плюхнулся в маленький, склизкий комочек только что родившегося единственного щенка старой дворовой суки. Комочек вздохнул и запищал, а сука с истинно материнской любовью принялась вылизывать его и подталкивать к раздраженному соску.

Наутро Клавдия Ивановна, деревенский почтальон, зайдя в старый сарай, увидела, что рядом с околевшим трупом её старой собаки попискивает премилый щеночек, такой чистенький и хорошенький, что Клавдия Ивановна разрыдалась: «Девочка моя! – редела она над сукой. – Последние силы отдала, чтобы родить такого красавца».

* * * * *

Клавдия Ивановна назвала щенка Сёмкой. Имя как-то само прилипло к нему, и уже по-другому называть этого пушистого сорванца не хотелось. Сейчас Сёмка носился с курами на заднем дворе, звонким лаем дразня почтенного уже петуха, и весело улепётывал от него, когда тот, растопырив гребень, решал прочить визгливого шалопаю. Клавдия Ивановна ласково смотрела на эту возню и думала: «Внучёк» мой совсем подрос. Вон какой прыткий. Петрушу совсем не боится. От же, пострел. Даром, что последний».

По всему было видно, что любит старушка своего питомца действительно, точно внука. И Сёмка отвечал ей тем же. Вскормленный заботливой рукой Клавдии Ивановны, он воспринимал её как мать: ловил её каждый взгляд, слушал каждое слово. Слушал и, Бог свидетель, всё понимал. Только сказать ничего не мог.

Так вот они и жили – одинокая старушка и её верный друг. Вместе разносили почту. Клавдия Ивановна ковыляла сзади, а Сёмка с почтальонской сумкой в зубах, весело виляя хвостом, всегда впереди. Вместе проводили дни и ночи, даря друг другу минуты радости и подлинного счастья, которыми не очень-то богата наша жизнь.

* * * * *

С пронзительным и каким-то горестным лаем Сёмка ворвался во двор соседки Алевтины, стал метаться, перебудил всех домочадцев. Алевтина испуганно выглянула в окно: «Уж не случилось ли чего?». И впрямь – над крышей Клавдиного дома уже плясали одинокие огоньки. Пожар! Но где Клавдия? И пёс мечется, точно зовет за собой. В деревне все живут как в большой семье. Когда у одного горе, то и у всех беда. И в чём попало, похватав ведра и кадушки, Алевтина, её муж и взрослые сыновья кинулись к дому Клавдии. А между ними Сёмка. Промчался, чуть не выбив дверь, встал на заполненной дымом веранде и лает призывно и жалобно, мол: «За мной, здесь хозяйка, жива».

Увидели, вытащили угоревшую, со сломанной ногой, но всё же живую. Дом, конечно, уже не спасти. Вон как пламя шумит. Да и Бог с ним, главное, жива осталась. А всё благодаря Сёмке. Как же он рад, что поняли его. Хлопочет у хозяйки, лижет лицо, руки. И вдруг, точно вспомнив что-то, Сёмка опрометью кидается в охваченный пламенем дом. Никто и не заметил, как он пропал. Соседи суетились вокруг раненой Клавдии да смотрели, чтобы пламя не перекинулось на их дома. Никому не было дела до собаки, которая только что спасла свою хозяйку. Вдали послышалась запоздалая сирена пожарной машины. С гулким шумом, рассыпая снопы искр, в доме Клавдии Ивановны обвалилась крыша.

* * * * *

Наутро пожарные, разгребая сгоревший дом, нашли обугленный труп собаки с зажатой в пасти почтальонской сумкой. Спасая хозяйку, Сёмка пытался сберечь и то, что составляло смысл её жизни. Но не смог. Не дотянул совсем чуть-чуть...

* * * * *

Сёмка с рождения завидовал воронам: «И как они умеют летать? Никак их не поймаетшь. Петруша вот не может, увалень старый. А эти... Эх, мне бы так!» А сейчас Сёмка летел. Жар и боль прошли. Страх тоже куда-то испарился, и Сёмка медленно поднимался над догорающим родимым домом: «Вон на траве лежит хозяйка, плачет. Главное жива. Оправится. И соседи молодцы. Ведь всё понимают, когда хотят».

Сёмка ещё сделал круг над домом, и тут его внимание привлек голубой ручей, спускавшийся прямо с чёрного ночного неба. Плавать Сёмка тоже любил, поэтому, не задумываясь, направился к этому чуду: «Обратно ещё успею. А сейчас я вам не помощник. Заслужил». Ручей медленно превращался в реку, озеро, и Сёмка радостно барахтался в его водах, поднимаясь всё выше и выше: над деревней, над звездами, над луной...

* * * * *

«Семён! Семён!» – кто-то звал его из темноты. И Сёмка вспомнил. Вспомнил всё. Что и не Сёмка он вовсе, а Семён, и всё, что происходило с ним до этого, что произошло теперь. И ещё он узнал голос – его звала мама. Милая мама, которую он не видел столько лет. А теперь увидел. То, что раньше ему казалось жуткими, пугающими тенями, преобразилось. Вот стоит мамуля и машет ему рукой, рядом бабушка. Улыбается, дорогая. Как же я скучал. А за ними... За ними многие и многие родственники, которых Семён и не знал никогда, – но всё же ждут его, любят. Вот оно истинное счастье – большая, дружная семья, полная любви и нежности. И, конечно, Семён ринулся им навстречу. Упал в их объятия. Он был дома.

* * * * *

Голубой океан медленно сжимался, превращаясь сперва в широкую реку, затем в тонюсенький ручеек. И вскоре стал лишь малюсенькой каплей на бескрайних просторах нашей вселенной. Куда унес он Семёна и всю его семью? Ведомо, наверное, одному лишь Богу. Но хочется верить, что в иные, значительно лучшие миры, где они всегда будут вместе на все времена.

Конечно, это всё выдумки, вы же понимаете. Но мне такая теория очень и очень симпатична.

Необыкновенная встреча

«Я, Иоанн, брат ваш, имеющий долю в несчастии и доли в Царствии Небесном чающий, сказал, когда возлежал я на груди Господа нашего Иисуса Христа: «Господи, кто избран предать тебя?» И отвечая сказал он: «Тот, кто вместе со Мною омочил руки в чаше Святого Грааля. И должно исполнится всё, Иоанн, чтобы уличил Отец мой Сатанаила во зле».

Тайная книга Иоанна ст.1

Эта необыкновенная встреча, которая очень повлияла на мою дальнейшую жизнь, произошла весной 20XX года. В ту пору я много гулял со своей собакой Терри по полю между Красным Селом и поселком Лаголово. Весна выдалась теплая, Тёрка (так я вообще-то называл свою собаку) была молодой, жизнелюбивой и радостно носилась между начинающими покрываться свежей травой кочками. Если бы не её способность бояться взрывов, выстрелов и всего того, чего боятся многие собаки, то встреча эта скорее всего не произошла. Но случилось то, что случилось.

Когда мы были довольно-таки далеко от дома, только что ясное, голубое небо внезапно посерело, невесть откуда появились темные свинцовые тучи, и долбануло так, что Тёрка моя чуть из шкуры не выскочила. Поджав хвост, она, как полоумная, заметалась по полю и, выбрав какое-то только ей известное направление, стремительным галопом помчалась прочь. Я потрусил следом, так как на все мои свистки, окрики и нецензурную брань Тёрка не реагировала, а мне вовсе не хотелось провести остаток дня в поисках своей собаки, да ещё под грозой.

В стороне от дороги стоял кустарник. Этакий островок в поле, окружностью десять-пятнадцать метров. Такие то и дело встречаются в нашем захолустье. В него Тёрка и заскочила. Заметив, что с другой стороны она не выбежала, я решил, что, видимо, со страху спряталась там, и быстрее двинул к кустам, пока бедолага не продолжила своё позорное бегство. Каково же было моё удивление, когда я раздвинул ветви этого насаждения. За плотной стеной веток и сучьев мне открылась ровная ухоженная полянка. Немного с боку на ней был выстроен приземистый шалаш, рядом лежало очищенное от коры бревно, перед которым дымилось заботливо выложенное камнями кострище.

На бревне сидел бородатый мужичок и гладил мою Терри. Вздывавшиеся кверху ветви кустарника почти смыкались над головой, образуя некое подобие купола, и придавали всему, что находилось в полумраке между ними, какую-то таинственность и загадочность. Странно, я столько раз проходил мимо этих кустов, но ни разу не видел ни этого мужика, ни шалаша, ни даже дыма от кострища. Да и Тёрка никогда не выказывала ни малейшего интереса к этим зарослям. А место, видно, обжитое, не вчера устроено. Надо сказать, что на самой границе поля, уже какой год в заброшенных погребках, некогда отстроенных заботливыми огородниками, обосновались бомжи. Но их все знали. Этот же мужичок на бомжа ну никак не походил. Да и Тёрка вела себя странно. От ее прежнего страха не осталось и следа. Сидела довольная, щурилась, несмотря на то, что сверху всё продолжало рокотать и грохотать. Мужичок повернул голову в мою сторону:

— Проходи, проходи, сынок. Мир тебе. Подруга твоя (так он называл Тёрку) в порядке. Испугана очень была сперва, но больше бояться не будет, — и он погладил довольную собаку по голове.

Голос у него был певучий, мягкий, как у священника. Мне подумалось, что так разговаривали в старину. Чувствовалась доброта и, в то же время, какая-то грусть. Я побольше

раздвинул ветви кустарника и протиснулся внутрь. Тёрка, виляя хвостом, подбежала ко мне, ткнула мордой в руку, но сразу же вернулась к мужику.

Только сейчас я полностью рассмотрел моего нового знакомого. На вид ему было лет шестьдесят, небольшого роста, худощавый. Пышная седая борода небрежно падала на грудь. Но самое выдающееся в старике были глаза. Непонятного цвета, они как будто светились изнутри, точно в них были вставлены крошечные фонарики. На голове его была надета черная вязаная шапочка, напоминающая монашескую камилавку. Видавший виды чёрный вязаный свитер. Да заправленные в дешёвые сапоги простенькие брюки. Даже для теплой весенней погоды очень и очень скромно. Хотя, может у него в шалаше завалялись и тулуп, и валенки?

— Здравствуй, отец, – промямлил я, ещё не оправившись от потрясения, – прошу прощения за беспокойство.

— Полно тебе, проходи, посиди маленько, – как будто не заметил моего замешательства старик. – Какое уж тут беспокойство. Ко мне ведь кроме мышей да ёжиков никто и не заходит.

— А вы тут живёте? Давно? – неловко спросил я. Надо же о чем-то говорить. И, признаться, рассчитывал услышать: неделю, пару дней...

— Поди, четвёртый год уже. Да. Милостию Божию.

Я прямо почувствовал, как челюсть у меня отвисла.

— Четвёртый год? Но как? В этом шалаше? – честно говоря, я решил, что дед спятил или попросту дурит меня. Конечно, я ему совсем не поверил.

— Нет, сынок. Шалаш-то должно быть уже десятый. Слабоваты они, – старик смотрел на меня своими ясными глазами. – Да не особенно-то он мне и нужен. Плоть лишь немощную схоронить от стужи да ветра. Э-эх... Душа ли не больше этой вот плоти, а? А ей не холодно, не сыро.

Старик опустил глаза в землю и замолчал. Меня же так и подмывало спросить:

— Но ведь Вас никто не видел? Я сотню раз, наверное, здесь проходил и даже не подозревал...

— Люди не очень-то внимательны, сынок. Они смотрят и не видят. Им ведь невдомёк, что самого-то главного глазами не увидишь. Вот и видят лишь то, что могут принять. Подруга твоя, гляди, сразу увидела. А за ней и ты, хоть и на сто первый раз, – старик улыбнулся и снова погладил Тёрку по голове.

— А вы отшельник? Монах? Что вы тут делаете? – не унимался я.

— Наверное, отшельник – коли один тут живу. А может – путник, странник. Ведь я-то ни от кого не скрываюсь, просто, не нужен никому. А что до монаха – нет, не монах, как ты себе это разумеешь. Да ты присядь, посиди вот рядышком. В ногах, знаешь ведь, говорят, правды нет, – и старик подвинулся на бревно, освобождая мне место.

Я присел напротив еле тлеющего костерка. Старик кинул в него пригоршню тонюсеньких веточек, и по ним тут же забегал ласковый теплый огонек.

— Я ведь, сыночка, уже какой год жду Бога, – продолжил старик, – покуда он меня к себе не приберёт. То здесь скитаюсь, то там... – повисла неловкая пауза, – теперь уже скоро...

— Так ведь монахи тоже так делают, молятся там, в монастырях, в скитах отшельнических, – вставил я.

— Нет, это не то. Разная у нас вера. Я, видишь ли, в Единого Бога верую и в Иисуса Христа, заветами его жить пытаюсь.

— Так ведь и я не мусульманин, отец, – опешил я. Неужто старик действительно спятил? На кого на кого, но на мусульманина я точно не походил. – Я православный христианин, ну крещён так. Правда, в церковь не хожу, но Библию читал. Да и монахи наши разве не тем же живут?

Тут я не покривил душой. Я действительно немного разбирался в вопросах религии. К тому же моя мать была сильно верующим человеком. Даже верующим с «прибамбасом», я бы сказал. А дед этот, наверное, какой-нибудь сектант: иеговист там или чего покруче.

Старик внимательно посмотрел на меня:

— Библию читал, это хорошо, – сказал он, – только вот понял ли? Ведь весь Ветхий Завет от Дьявола. И Дьявол там Богом предстаёт. Ибо он и создал мир сей, и людей, и законы мирские. Именно Сатана – царь мира сего, и имя его «Саваоф». Одно из имен. А церковь православная чтит его, как Отца Небесного, хотя Иисус прямо говорил, что «вы ни лица его не видели, ни гласа не слышали». И ведь не по недомыслию, не по глупости Сатане поклоняются. Издавна изничтожили древние книги толковые, евангелия истинные, а то, что есть, переделали так, что и правды в них нет. Ибо они есть лжецы и под личиной праведности и веры в Единого Бога поклоняются князю лжи – Сатане.

Старик замолчал и снова потупил взор. Я тоже молчал. Костерок как-то под стать моменту потрескивал тихо и ненавязчиво, как бы размышляя над словами старика. А в них что-то было. Я еще не понимал что, но в них прямо-таки физически ощущалась сила правды. Той истины, которую чувствуешь каждой клеточкой своего тела, а высказать не можешь. Получалось, что церковь, как разведчик в тылу врага, крупнейшая афера веры, как раз в духе «князя лжи». Но вроде бы «они» за добро? Именно это я и спросил:

— Послушайте, но православие, да и христианство вообще, на «белой» стороне. То есть против зла, греха, а значит, не могут быть за Дьявола, потому что – против него.

— Зло, добро – понятия настолько размытые, что диву даёшься. Есть мирный атом, а есть атомная бомба. Есть освободительная война, а есть террор и геноцид. Но ведь войной-то они не перестают быть, верно? И подумай: то, что одному террор, для другого как раз борьба за свободу и светлое будущее. Смерть есть смерть, а вот церковь не всегда их разделяет. Обо всём этом хорошо говорит Христос, только кто его слушает.

Старик подкинул в догорающий костерок ещё щепотку прутиков и веточек, подумал немного и продолжил:

— Видишь ли, сынок, наш мир изначально устроен так, что любое, даже вроде бы доброе дело, изобретение какое, лекарство, да всё, чего ни коснись, в результате обращается во зло. Почему? Потому что мир сей материален, а материя – суть творение Дьявола. Он князь мира сего. Человек же имеет двойственную природу: тело от Дьявола, а душу – от Отца Небесного. Назначение человека – заменить падших ангелов в Царствии Небесном.

Но церковь ваша об этом забыла. Слова Иисуса о том толкуются не так. Пророки – искажены или уничтожены. Дьявол торжествует. Церковь – его слуга. Человек же – что? Материальная природа, телесные требы – ох как сильны. И подогнать под них так называемые «духовные требы», «устремления души» – это дело князя мира сего, ну и церкви, конечно, тоже.

Впрочем, винить здесь кого-то незачем. Человеку от роду дана свобода воли, свобода выбора – божественная сила. Он сам может решить, на чьей он стороне: на стороне тела или духа. Мир издавна выбрал первый путь, путь тела. Но пришел Иисус и показал второй путь. Кто-то услышал его, а большинство – нет. Услышал Дьявол и понял, как можно использовать слова сына Божьего в своих целях. И вот – мы видим то, что видим.

Почитай, сынок, Нагорную проповедь. Это – самое главное в Иисусовом учении, самая его суть. Но учти, что говорил он не профессорам богословия и не философам, а простому люду: рыбакам, трудягам, грешникам, беднякам. В ней смысл тот, который есть на поверхности. Иисус говорил то, что говорил. Поймёшь это – ты на правильном пути. Пойдёшь по этому пути – будет тебе Царствие Небесное.

Старик снова замолчал, разглядывая что-то на земле. Молчал и я. Всё, что мне было известно ранее о религии и мироустройстве, вставало с ног на голову. Белое становилось чёрным, но вот чёрное белым не становилось. Оно становилось еще чернее. Где же тогда белое?

Чепуха какая-то. Надо бы расспросить старика, а не то я спать не смогу. Старик сидел в той же позе и задумчиво гладил Тёрку. А та чуть ли не в рот ему заглядывала: «Вдруг ещё чего-нибудь скажет». Вот чудеса!

Сверху, через небольшую брешь, оставленную почти смыкающимися ветвями кустарника, слетела какая-то пичужка, села старику на плечо и весело защebetала. Он встрепенулся.

— Ну вот, сынок, гроза и закончилась. Так что ты иди уже теперь. Да и мне пора, — он ласково посмотрел на меня. — У меня есть тебе небольшой подарок. Ты уж не откажи, уважь на память.

Старик запустил руку за пазуху и выудил оттуда небольшую потрепанную книжицу, размером с пачку сигарет.

— Это «Тайное Евангелие от Иоанна». За него много голов полегло. Тебе пригодится, вижу я. А мне уж ни к чему.

Я взял книжицу. Что сказать деду? Не знаю. Видно было, что она ему очень и очень дорога.

— Спасибо, я сберегу её, — лишь вымолвил я.

— Ну и ладненько. Прощай, — улыбнулся мне старик, неспешно поднялся и, кряхтя, полез в свой шалаш.

— До свидания, — тихо сказал я. Было понятно, что на сегодня беседа окончена. Уходить не хотелось. Столько вопросов! Но ничего! Завтра же вернусь к старику и продолжу такой интересный мне разговор.

Тёрка призывно гавкнула откуда-то из-за кустов. Потерянным взглядом я осмотрел убежище: просто, но как всё-таки уютно. Жаль, нужно идти. Нехотя я пробрался через стену сучьев и веток и оказался вновь под ярким весенним солнцем. От грозы не осталось и следа, на небе — ни тучки. Щебетание птиц, лёгкий ветерок...

Отойдя шагов на сто от кустарника, я обернулся и остолбенел: яркое электрически-синее зарево осветило пристанище старика. Раз, и потухло. Ни звука, ничего. Как вспышка фотоаппарата, только много-много сильнее. Я опрометью кинулся обратно и уже через несколько секунд заглядывал в шалаш. Старика там не было. Не было ничего, кроме тюка соломы, на котором лежали стариковская шапочка-камилавка, потрёпанный свитер, штаны. Рядом стояли только что снятые сапоги. Одежда была ещё теплой.

Очень трудно было поверить, но я, кажется, догадался, что произошло. Старик вознёсся! Я слышал про такие случаи: у буддистов, достигших просветления, у некоторых святых. Христос, в конце концов, воскрес именно так: со вспышкой и оставлением одежды. Видимо, старик, передав мне свою книгу, посчитал свой земной путь окончанным и ушёл. Я был в шоке. Терри на входе протяжно завывала, как волк.

Задумчиво я брёл по дороге домой. События прошедшего дня не выходили у меня из головы. Загадочный старик, его слова, «вознесение». Я вновь оглянулся назад. Вдали полыхал пожар, догорал «заветный» кустарник. Почему он разгорелся? Видимо, вселенная решила стереть все следы пребывания своего «святого» на грешной земле. А может, ветерок раздул остатки костра? Ещё одна загадка? Но я не удивился. Нет. Больше я ничему не удивлюсь. Скорее всего — никогда. Мне было просто грустно. Не грустила лишь Тёрка. Она бежала впереди, изредка пыталась изловить какую-нибудь зазевавшуюся пичужку, радостно тьякала на неё и виляла хвостом. Так мы добрались до дома.

Вдруг, перед самой парадной, раздался оглушительный хлопок: какая-то машина «просадила» выхлопную трубу. Я посмотрел на Тёрку. Совсем недавно от подобного звука она просто сошла бы с ума. Сейчас же Терри стояла рядом и, не поверите, улыбалась.

Сон

Вы видели когда-нибудь Бога? Многие скажут, что нет. Иные соврут, что да, хотя и не подозревают, насколько они правы. Я вот тоже не подозревал, пока не увидел. Да—да, я видел Бога. И не только видел, но и разговаривал с Ним. Первый раз это было во сне. Теперь же я вижу Его постоянно, как и все остальные, на самом деле. Скажете, что я сошел с ума? Не торопитесь с выводами. Послушайте сперва, что я вам расскажу. Но обо всём по порядку.

Дело это было давнее и могло произойти когда угодно, хоть вчера. Я лежал на своем диване в некоторой прострации и, признаться, мучился похмельем. Знаете, такое состояние, когда ничего не хочется, близкое кажется каким-то далёким, далёкое, наоборот, близким, и очень трудно уловить грань между сном, полусном и просто помутнением. Координация слегка нарушена, в ушах не то гул, не то шум, видимо, от давления, а любой посторонний звук, даже шорох, очень злостно бьёт в самое темечко. Неприятное состояние.

Но, надо сказать, издревле колдуны, шаманы и прочие мистики специально и искусственно с помощью грибов, каких-то травок или того же алкоголя ввергали себя в этакий «отходняк» дабы «объять необъятное». Я же получил это «счастье» совершенно бесплатно, в нагрузку к предыдущему «хорошему вечеру».

Итак, лежал я себе, лежал, мучился и совсем не заметил, как заснул. Сейчас-то я понимаю, что заснул, но тогда мне казалось, что всё моё сознание как-то покинуло меня и устремилось вверх через потолок, крышу, мимо ошарашенных голубей, мимо тучек, самолёта компании «Аэрофлот»... Пока не вышло в открытый космос. Там, однако, полёт этот совсем не закончился, и дух мой, который в тот момент я расценивал, да и сейчас расцениваю, как «Я», устремился дальше: к звёздам, через Млечный путь, в другие галактики...

Мириады и мириады звёзд вокруг то увеличивались, то рассыпались на бесчисленное количество блестящих светлячков, которые затем сжимались в одну совсем крохотную звёздочку, угасающую где-то в непроглядной дали. Самое буйное разнообразие красок и цветов на абсолютно чёрном фоне. И какая-то непостижимая красота. Сказал бы неземная, но она и была не земной. Красота и упорядоченность при всём кажущемся хаосе. Причём, порядок этот угадывался чисто интуитивно. Вот не видишь никакой закономерности, а чувствуешь, что она есть, тонкая и невидимая. Помню, я тогда подумал: «Это Закон Божий!» И не успел я это подумать, как пространство вокруг меня стало меняться: всё движение звезд, планет и космических всполохов как бы остановилось, застыло, ярко переливаясь своим чарующим блеском. При этом создавалось впечатление, что всё застыло как будто на экране телевизора, намертво привязанного к моей голове. Куда бы я ни пытался смотреть, я видел одно и то же, словно изображение поворачивалось вместе с моим взглядом. «Всё вокруг – это одно и то же», – философски сумничал я, и картинка сразу пришла в движение. Галактики и туманности потянулись влево, вправо и вверх, очерчивая вроде какую-то условную границу и сгоняя всю темноту, всю пустоту Космоса как бы в центр. А эта пустота... Прямо-таки ощущалось, что эта пустота и есть самое главное. Она всё сгущалась, крепла, насыщалась, и неизвестно откуда пришло понимание: «Именно пустота определяет всё. Ценность кувшина в его пустоте. Всё вокруг по сравнению с пустотой – ничто, мизер, который не имеет никакого значения. Именно пустота порождает всё, поддерживает всё, и в нее всё уходит». Глядя на свою картинку, я верил в это. Я видел, как из тьмы рождались целые галактики, как кружились в ней, умирали и бесследно исчезали в этой темноте. И всё разнообразие мира было лишь еле заметной вспышкой в бескрайнем океане Пустоты. Всё вокруг – ничто, а ничто – это всё.

И тут я увидел Его. В самом центре картинке, мира, вселенной – как хотите. В центре Пустоты. Увидел, ощутил, не знаю. Чёрное на чёрном заметить трудно, но я увидел сперва силуэт. Кто-то сидел не то на высоком стуле, на троне, не то в позе лотоса на каком-то пье-

дестале, трудно сказать. Ни лица, ни возраста, ни пола – ничего. Но силуэт просматривался очень чётко, силуэт сидящего человека. И какая-то веющая от него сила и спокойствие. Так было недолго. С каждой секундой силуэт становился всё отчетливее, а пространство за ним светлее, словно он вбирал в себя всю черноту из окружающего мира. Теперь уже можно было рассмотреть у Него в правой руке щит. Я решил, что силуэт находится ко мне лицом, поэтому и сказал, что в правой руке. Но это всё условно. Не думаю, что у Него вообще есть сторона.

Щит был большой и напомнил мне огромное матовое зеркало. В центре его проступала, нет, угадывалась, короткая надпись. Я ее знал: на греческом языке она читалась как «ИХТИС» – символ Иисуса Христа, Спасителя. Именно такое начертание на изображении рыбки носили первые христиане. В левой руке Он держал меч: огромный, обоюдоострый рыцарский меч с направленным вниз остриём. По кромке меча не то скользили, не то отражались отблески далёких галактик, а рядом с гардой на утолщении клинка огненным блеском горела надпись «SAT». Угадывалась? Да, угадывалась. Но что точно, на плечах у Него сидели две птицы: на левом – ворон, на правом – голубь. А прямо посередине лба огнем всех звёзд во вселенной горел единственный глаз, такой, как рисуют на всяких массонских атрибутах или на долларовой бумажке – «Всевидящее око». И клянусь, этот глаз смотрел на меня. На меня, сквозь меня, внутрь меня...

«Я есть то, что вы зовёте Богом. Я есть Мир», – зазвучало у меня в голове. Именно зазвучало. Причём голос был как будто мой собственный, но я знал точно, что со мной говорит Он. «И зачем я здесь?» – подумалось мне. «Ты хотел и пришёл, – прозвучало внутри. – Спрашивай!»

Надо сказать, что я очень интересовался вопросами религии. Мне всегда казалось, что в религиозных традициях заключена величайшая мудрость, и в попытках прикоснуться к ней я для себя изучал и христианство, и учения христианских сект, и буддизм, и даосизм, и много-много чего ещё, что мог найти.

Вывод, к которому я пришел, был прост: везде есть зёрна истины, ужасно перемолотые человеком в удобную для него булку, согласно места проживания, национальности, эпохи, политического строя и так далее. Короче говоря, всё ложь, основанная на кусочках правды. Это как в бочонок с дерьмом накидать апельсиновых корок и сказать, что это апельсиновый сок. Чем больше корок, тем «бульон» насыщеннее, но не сок. В чем же тогда сок? Что есть добро и зло? Ответ на мои мысли прозвучал незамедлительно:

— Я есть Альфа и Омега, как сказано. Я тьма и я есть свет. Нет зла, нет добра – есть Я. Я – твой отец и твоя мать. Ты – это тоже Я. И брат твой праведный, и брат твой грешный – все Я. Я в вас, а вы во Мне, как и всё сущее под небесами. Грех придумали люди, а с ним и законы. Что тебе грех, то брату твоему праведность. Но во всем Я, ибо Я есть всё в этом мире. Кого вы зовете Сатаной – левая рука Моя, меч обоюдоострый. Добрым оружием может быть, но можно и порезаться, себе голову отсечь. Кого вы зовете Христом – правая рука Моя, щит веры. Может укрыть, защитит, но может и отстранить, прочь отринуть. Всё в том, как к чему относишься, ибо знай: во всём Я.

— Но ведь в мире столько религий, столь различных, что и рядом их не поставить. Что же из них истина, что правда? – подумалось мне.

— Все религии ваши от людей. А все люди есть Я. Все стремятся познать Меня. И всё в них правда, и всё в них ложь, потому как никто не смог познать меня. Никто не смог познать даже себя. Познаешь себя – познаешь Меня, познаешь Меня – познаешь истину. А ко Мне ведут разные пути. О некоторых ты знаешь, о некоторых даже не слыхивал. Каждый выбирает свой путь, однако все пути ведут ко Мне. Одни короче, другие длиннее, но это всё относительно. Улитка и мили за жизнь не проползёт.

— Какой же выбрать путь, чтобы не быть улиткой?

— Думай. Ты сам волен всё выбирать, всё постичь или отринуть, ибо ты есть подобие Моё, суть Я сам. Помни лишь, что даже самая крохотная песчинка содержит в себе все тайны вселенной, является образцом её и подобием. Наблюдай, и всё откроется, размышляй, и всё познается.

— Но это так сложно...

— Нет ноши, которую не вынес бы сын человеческий. Ты – вся Вселенная, и все силы её в тебе. Запомни это.

— Но я ведь могу не успеть, умру?

— У меня нет мертвых, все живы. Дыхание моё вечно в тебе. Ты видел звезды? Одна, сгорая, другую рождает. Где-то убудет, где-то прибудет. Ты есть не тело, не кусок плоти, ты – часть мира, вселенной и ты вечен, ибо подобен Мне. И брат твой, и недруг. Смерти нет, есть переход. Обдумай это...

— А как же любовь? Ведь говорят, что Бог есть любовь?

— Я есть всё: и любовь, и ненависть, и дружба, и злоба, и правда, и обман. Одно без другого невозможно. Суть в том, как к этому относишься, какой выбрал путь.

Я больше не знал, что спросить. Голова раскалывалась, в горле пересохло. Всё вставало с ног на голову, всё, что я знал раньше, чем жил, чем жили все мои предки. Но ведь с Ним не поспоришь. И, как будто прочитав мои мысли (хотя почему же «как будто»), его силуэт перед глазами стал таять, превращаясь в необозримые глубины космоса, которые тотчас заполнили звезды, туманности, галактики. Всё закрутилось в обратном порядке: космос, планета Земля, редкие облака, вновь обалдевшие голуби, крыша, потолок, я.

Я вскочил, как ошпаренный. От прежнего похмелья не осталось и следа. Голова теперь болела от другого. Она была просто не в состоянии вместить то, что только что произошло. Я понимал – это был сон, но сон наяву. Честное слово, я был уверен, и уверен сейчас, что всё увиденное и услышанное мной – правда. Да такое ни в каком пьяном бреду не выдумаешь. Я прямо-таки привкус во рту ощущал и дальнего странствия, и других галактик. Бывают же астральные путешествия. Вот это именно из той «оперы». Я знаю, что прав, а вы как хотите, верьте или нет, дело ваше.

* * * * *

Вы видели когда-нибудь Бога? Я вот видел. И даже разговаривал с Ним. И после этого разговора я вижу Бога ежедневно, в каждом из вас. Кого-то с обоюдоострым мечом, кого-то со щитом. Но чаще всего с голубем и вороном на обоих плечах. Вы идете своей дорогой, я своей, но все они ведут непременно к нашему Небесному Отцу, в самые глубины Космоса, где царит безраздельно вечная жизнь.

Исполненная мечта

*Детская мечта – она, как первая любовь:
чистая, светлая и на всю жизнь.
Народная мудрость*

Сергей, нынче уже – Сергей Петрович Воробьёв, с детства мечтал о приключениях. Именно поэтому, наверное, все последние странички его тетрадей и даже дневников были старательно зарисованы корабликами, парусниками, какими-то выдуманскими картами с кучей «необитаемых островов». Робинзон Крузо был у него, конечно, любимым героем, а когда подошло время, и Сергей поступил в Ленинградскую мореходку учиться на штурмана, он знал точно, что пройдут года, и его яхта обязательно кинет якорь где-нибудь в Океании у «заветного острова», где он, словно небезызвестный Робинзон, заживёт долго и счастливо. Коррективы во всё внесла армия. Сперва Карабах, затем августовский путч 1991 года, потом Северная Осетия... Теперь уже Сергей считал, что истинное приключение для настоящего мужчины – это не яхты и острова, а защита Родины, борьба с преступностью, как бы пафосно это ни звучало. Ни о каком флоте теперь не могло быть и речи. И, вернувшись из армии, Сергей, не задумываясь, подал документы в Санкт-Петербургский ОМОН. Вот уж где приключений было с избытком: что ни день, то «маски-шоу». Потом Чечня... Первая. Вторая. Госнаграды, первое офицерское звание – мл. лейтенант... И большое разочарование. Неприятно, знаете ли, ловить всяких «уродов», когда запросто, а когда и с реальным риском для жизни, а назавтра видеть их в том же месте за тем же делом. Взятки ведь никто не отменял. А следаки – ой, не богатые люди.

И Сергей решил уйти в «опера». Так хоть он сам будет дела до суда доводить. И интереснее это, чем просто по команде «фас» автоматом размахивать. Сказано – сделано. Оформил перевод, и вскоре некогда относительно спокойная «земля» затрещала от дерзких поползновений «пьяного и отважного» опера-омоновца, жаждущего приключений. Бывало всё: приходилось и в одиночку брать вооруженного преступника, и неделями сидеть в засаде, и до потери пульса пить со «стукачами», чтобы выудить у них ценную информацию. Сергею нравилось. И он работал. Даже, наверное, чересчур. Раскрытие преступлений – это хорошо. Но когда раскрываешь много, тем более не очевидных, не убийств там, грабежей, а хранение наркотиков, к примеру, то для кого-то это плохо. Особенно для прокуратуры. Ведь в нашей палочной системе надзора и контроля это какой рост преступности. Ладно одно, два дела. Но не десяток. И тем более не сотня. Ведь их же контролировать надо, «надзирать». Сперва с Сергеем провели беседу, потом пригрозили. А когда он не понял – попросту «слили». Так вот в МВД и поступают: пока звезды на погоны сыпятся – ты хорош, когда премии – очень хорош, но как только поперёк встал – всё, до свидания.

И Сергей не выдержал, запил. Конкретно забухал на несколько лет. Где-то подрабатывал, что-то охранял (на что ещё пригоден старый омовец), но почти что каждый Божий день пил. Пока, однажды, не стукнуло... Инфаркт, больница, «стенг» в сердце, и конец попойкам, коли жить хочешь. А жить Сергей хотел. Он умирать не хотел ни в луже собственной блевотины, ни на обоссанной кровати паралитика, ни со стоном измученного раком больного. Уж лучше где-нибудь одному в тайге или на яхте, борясь за свою жизнь в шторм. Проиграть природе не стыдно. Стыдно подохнуть овощем под жалобные всхлипывания родных или храп соседа по палате. И мечта о приключениях вернулась. Да- да, та самая детская мечта с парусами, свистом ветра и необитаемым островом.

Попалась как-то Сергею, теперь уже Сергею Петровичу, очень занимательная книга французского писателя-путешественника Алена Бомбара «За бортом по своей воле». В ней описывалось, как автор, будучи обыкновенным врачом, без морской подготовки, без запа-

сов воды, еды смог пересечь Атлантический океан на обычной надувной лодке. Кому интересно – прочитайте. Сергея как обухом по голове шарахнуло: «Вот оно! Вот чего я так долго ждал». Просто, будучи реалистом, Сергей понимал, что яхту он скорее всего никогда не купит, не построит, а если и построит, то выйти в ней в «одиночку» ему вряд ли удастся. Так уж устроен мир. Федоры Конюховы – да, Сергей Воробьёвы – нет. Однако, на каждое «нет» есть болт с резьбой. И, перечитывая ещё и ещё раз книгу А. Бомбара, Петрович вконец укоренился в своем решении: «Всё, ухажу!». Тогда он и не предполагал, что сборы и подготовка займут около трёх лет. Разве такая мелочь может остановить, когда впереди светит мечта?

Сборы увлекали Петровича чуть ли не больше предстоящего путешествия. Необходимо было все продумать, просчитать. Заработать денег и купить, наконец, множество нужных вещей. И вот, через тысячу и еще пятьдесят пять дней усиленного труда, нервотрёпки, радостных приобретений и некоторых потерь Сергей Петрович решил, что готов. Дома в зачехлённом виде лежала небольшая, меньше четырёх метров в длину, надувная лодка «Комбат-380» с вклеенной транцевой доской, деревянным настилом на полу и звучным названием «Морской Дракон», которое вместо бортового номера (благо, зарегистрировать столь крохотное суденышко не было необходимости) красиво вывели поверх ватерлинии художники тюнинговой компании. Небольшой подвесной мотор в четыре лошадиные силы, вёсла да парус Катайнена. Хотя, о парусе надо сказать особо. Вообще-то, как считал Сергей Петрович, с регистрацией и правами на управление парусным судном возникало слишком много проблем. Но ведь наш закон – что дышло... Парусным считается то судно, которое использует парус и движущую силу ветра в качестве основного двигателя. Парус Катайнена – гениальное изобретение одного скандинавского умельца – такое устройство, которое крепит мачту, сам парус, гик, руль и т. д. и т. п., всё вместе, к транцевой доске лодки наподобие подвесного мотора. И всегда, если что, есть возможность сказать: «Мол, мотор сломался, нет топлива, бла-бла-бла, а это так, аварийный движок, типа, не постоянный».

И всё, как думал Петрович, вопрос с регистрацией решён. А это самое главное. Закон, вроде, не нарушен и очень грамотно и нежно обойдён. Ну, о парусе хватит. Кроме этого: заблаговременно упакованные коробки с ЗИПом, одеждой, едой, магнитный компас, наконец, купленный на барахолке по случаю, яхтенный навигатор, батареи, куча карт и книг. Нет, к сборам Петрович подошёл очень ответственно. Проштудировал великое множество справочного материала, выслушал тысячи советов от опытных путешественников и выбрал, как он считал, самое лучшее. Ничего лишнего, минимум веса, максимум функциональности, но в первую очередь учет опыта его предшественника – А. Бомбара.

Так или иначе, на тысяча пятьдесят шестой день, отгрузив почти полтонны различного оборудования, Сергей Петрович Воробьёв в радостном и несколько взволнованном расположении духа, в последний раз закрыл двери своей квартиры в Санкт-Петербурге. Выйдя из подъезда, он постоял немного, глубоко вздохнул, затем размахнулся и далеко-далеко отшвырнул ключи. Сюда он больше не вернется. Его путь лежал во Владивосток.

Почти через месяц относительно быстрого переезда, но утомительно-длинного ожидания, постоянной ругани с «официальными лицами» из-за непредвиденных задержек, обычной волокиты для России и умения чиновников найти проблему там, где её нет, все еще бодрый и слегка похудевший Сергей Петрович снял последний ящик с небольшой бортовой «Газели», вызвавшейся за немалые деньги подвезти чудаковатого и подозрительного «туриста» к морю, поставил его на скрипнувшую гальку к остальному оборудованию, огляделся и счастливо улыбнулся.

«Газель», пыхнув выхлопной трубой, вскоре скрылась за невысокими сопками, которые плотным кольцом окружали уединенный пляж вблизи селения «N» в 30-ти километрах от Владивостока. Петрович остался один. Крики чаек, шум морской воды, ласковое солнце под легкий ветерок... Рай, да и только. Красотища, от которой захватывает дух. Но впереди ещё очень

долгий путь. Петрович помнил об этом. И он не остановится. Как не останавливался ни перед шайкой чеченских боевиков, ни перед чванливыми бюрократами-транспортниками, потерявшими его груз в кипе своих бумаг.

По-армейски быстро Сергей Петрович организовал свой лагерь: разбил палатку, заготовил дрова. На какое время этот дивный пляж станет его пристанищем, неизвестно. Нужно ещё не раз все проверить, переупаковать, закрепить. Кто ходил в море, тот знает, что мелочей в подготовке нет. Ленивых и невнимательных море не прощает. И вот уже «Морской Дракон» с туго накачанными бортами весело гарцует на приливных волнах маленького заливчика, который будто специально создан природой для этой красивой лодки. На транце установлен мотор и мачта, ванты натянуты, точно струны. Оборудованный в носу почти что на две трети лодки навес заботливо охраняет от брызг и непогоды все припасы, приборы, книги и всё то, что необходимо в длительном путешествии. Каждая вещь, каждая мелочь на своем месте, зачехлена, запакована, но тем не менее готова к мгновенному использованию: и плавучий якорь, и запасные паруса, и просто веревки-канаты. Даже ружье для подводной охоты и планктонная сеть. Всё, как учил А. Бомбар. И пока Сергей Петрович ждал времени «Ч» для выхода в океан, он ежедневно все проверял по несколько раз, опробывал и был точно уверен, что со всем справится. «Морскому Дракону», маленькому и прекрасному, всё по плечу. А значит и ему, Сергею Петровичу Воробьеву.

Что же до времени «Ч», то отходить было принято решение в шторм. Как-никак, пограничники не дремлют. А при большой волне, как считал Петрович, его и так мало заметная лодка и совсем станет «незаметной». Главное – выйти в нейтральные воды, а там... острова, пальмы. Шторма Петрович не боялся. В лодке своей он был уверен, а в море, как писал А. Бомбар, на ней будет если не комфортно, то относительно безопасно. И, наконец, такой день настал.

Ещё с ночи некогда приветливое небо окрасилось темными пунцовыми тучами, подул сильный ветер, и море до самого горизонта заиграло сперва причудливыми «барашками», а потом и вовсе будто покрылось белой пеной между вздымающимися то тут, то там водяными валами. «Пора!» – подумал Петрович, – Бог мне в помощь». Палатку он собирать не стал, только затушил недовольно зашипевший костер, постоял немного и решительно зашагал к своему суденышку, не оборачиваясь. Зачем? Сюда он больше не вернётся. Прорываясь сквозь шум ветра, тихо заурчал мотор. Из бухты, что неподалеку от поселка «N», в бушующее море вышла крохотная лодка с гордым названием «Морской Дракон».

Это покажется удивительным, но в море суденышко действительно вело себя прекрасно. Лодочка легко взбиралась на проникавшие под нее огромные пологие валы и затем резво скачивалась с них, как опытный скелетонист. И уже через два часа этих «американских горок» Петрович оказался довольно-таки далеко в море. Где-то слева еле заметно виднелись огоньки маяков г. Владивосток, а вокруг только горы из воды, пены и брызг. Бушующий океан...

Мотор чихнул и заглох – кончился бензин. Что ж, запасы топлива ещё есть, но пришло время испробовать и парус. Или же кинуть плавучий якорь и спокойно дрейфовать носом к волне по течению, которое вынесет его в открытый океан? Первая дилемма «капитана Воробьева». И он принимает первое, к сожалению, неверное решение – парус. Несмотря на то, что шторм заметно крепчает. Вокруг уже не валы, а целые горы бушующей воды, ревущие, гипнотизирующие, уговаривающие: «Не робей, боец, дерзай, вперёд...». И так хочется уйти подальше... Значит, парус.

Ветер ударил, как молотом, в развернутый лоскуток непрочной ткани, но мачта выдержала. «Морской Дракон» подскочил, дёрнулся вперёд и развернулся бортом прямо пред нависшей над ним громадной волной. А та как будто и ждала этого. Чуть-чуть помедлив, чтобы придать побольше драматизма, всей своей многотонной массой обрушилась на крохотное суденышко. Жуткого треска и свиста вылетающего из баллонов лодки воздуха, Сергей Петрович

уже не слышал. Он медленно, раскинув руки и ноги, как морская звезда, опускался ко дну. Вокруг головы его расплывалось кроваво-красное пятно – это вырванный волной мотор раскроил бедняге череп. Глаза Петровича были открыты. Но он не видел ни пожираемых водой остатков «Морского Дракона», ни двух альбатросов, плавно парящих на штормовом ветру прямо над местом разыгравшейся трагедии. На устах его была улыбка. Ведь он видел чудесный необитаемый остров, покрытый пальмами и другими диковинными деревьями, с чудесными зверями, бабочками, птицами. Он видел то, к чему так стремилась его душа с самого рождения. И ещё он осознал, что чувствовал, наверное, всю свою жизнь. Будучи милым ребенком, курсантом, омовцем, опером, алкашом, мечтателем и путешественником Сергей Петрович всегда ощущал себя значимым человеком, не последним «винтиком» человеческого общества. Но значимость-то оказалась совершенно в другом. Он всегда: и в радости, и в горести был неотъемлемой частью этого мира, природы, этой Вселенной. Очень важной ее частью. Как и любое живое существо под небесами. И не понимал этого. А вот сейчас сливался с этим чудом, с космосом, с Богом...

И всё же, всё же Сергей Петрович не умер в своей постели. Он умер пусть не в долгой, но честной борьбе, как и подобает настоящему мужчине. Так, как и хотел. И именно так Сергей Петрович Воробьёв, бывший омовец, опер, просто трудяга, каких тысячи на просторах нашей необъятной Родины, исполнил свою самую заветную мечту, мечту детства.

СВЯЗЬ МИРОВ

На своей планете Аюба, что в созвездии Лиры, Джагаар был чем-то наподобие нашего священника. Он свято верил в то, что Вселенная, космос или, по-аюбски, Нарум, является первопричиной всего. Всё из него приходит, в него же всё и возвращается. «Мы часть Нарума!» – говаривал Джагаар на своих проповедях. – Хотите познать суть Нарума, познайте себя». Втайне Джагаар считал, что познать себя слишком мало. Вселенная хранит столько загадок и разнообразий, что в одной личности, даже на целой планете или в Солнечной системе их не вместить. Просто не хватит места. Это, как в тетради – есть миллион клеток, но пять миллионов значков ведь не впишешь. Проще говоря, Джагаар был сураем, по-нашему – сектантом. Хотя на Аюбе такого понятия и не существовало. Там каждый был волен делать то, что подсказывала ему Джига Нарума, душа по-нашему, а по-аюбски – неизречимая сила Космоса, Вселенной, её живое дыхание. Кто-то учил и наставлял простых аюбцев, а кто-то, как сураи, отправлялся в необозримые дали Космоса, чтобы объять необъятное и постичь непостижимое. И вот, счастливый день для Джагаара настал.

По извечной традиции его призвал старший брат и горестным голосом сообщил, что ему, Джагаару, незачем более кривить Джигой перед простыми аюбцами, наставляя их на путь веры, который он считает неполным, несмотря на заветы старейшин и традиции, и что он, Джагаар, волен по решению совета оправляться в пыль Нарума, коли Джиге его так угодно. Кроме того, совет безвозмездно предоставляет ему звездолет-капсулу и очень надеется, что этот сурай тотчас покинет благословенную Аюбу. Уговаривать Джагаара не пришлось. Взяв лишь листы Нарума, древнюю книгу мудрости, сурайский посох и мешочек питательных капсул, будущий странник со всех шести ног кинулся на космодром.

Да, совсем забыл сказать, что аюбцы вовсе не походили на людей и даже на гуманоидов. Больше всего они напоминали наших паучков: крохотные, миллиметров пять в высоту, на шести тонюсеньких ручках-ножках паучки с головками, если рассмотреть под лупой, как у миниатюрных, но очень милых обезьянок. Однако, раса аюбцев на несколько миллионов лет была старше нашей. Своими крохотными ручками-ножками они достигли невиданного прогресса, и их звездолеты, чуть больше нашего грецкого ореха, запросто уходя в гиперпространство, покрывали десятки световых лет за считанные минуты.

За миллионы лет своего существования аюбцы исследовали и колонизировали множество планет, но никогда ни с кем не воевали. Дипломатия и верность убеждению в единство Нарума везде и во всем оградили их от этого бедствия. И теперь Аюба хранила непостижимые и, даже, невообразимые нам знания практически во всех областях: технических, гуманитарных, сопряженных. Эти паучки на ручках-ножках были, наверное, одними из умнейших существ в обозримой Вселенной. И жил каждый аюбец по нашим меркам почти тысячу лет. Жил счастливо: без болезней, бедствий и каких бы то ни было потрясений, если только подобно Джагаару и другим сураям не стремился уготовить их себе сам.

Защитный колпак звездолета-капсулы захлопнулся, «грецкий орех» медленно воспарил над блестящим покрытием космодрома. Сенсоры нащупали луч-ускоритель, схватились в него, и корабль Джагаара устремился вверх, унося последнего в беспросветную бесконечность Космоса, в самое сердце Нарума.

Соответствуя негласному кодексу странников в глубинах Вселенной, сураев, Джагаар не выбирал себе путь. Пусть Джига решит, где выкинуть его из гиперпространства. Его же ждал криосон. Может, на час, может, на неделю, а может, навсегда.

Звонкий зуммер разбудил Джагаара внезапно, как обычно это бывает в криосне. На многочисленных табло и экранах мелькала замысловатая информация, понятная только аюбцу. Корабль «грецкий орех» вынырнул из гиперпространства в пределах какой-то солнечной

системы. Хвала Джиге Нарума. Такие прыжки были очень опасны. Запросто можно было очутиться в облаке астероидов или вообще в короне солнца. Тут же всё было в порядке, и даже датчики показывали планету в «зоне жизни», крохотную голубую звездочку буквально в трех часах полёта. Джагаар ткнул ручкой-ножкой нужные клавиши на панели управления и погрузился в раздумья. Встретит ли он кого на этой планете? Да или нет – неважно. Это все Нарум. Но Джига подсказывала ему: планета обитаема. Он давно научился слушать Джигу. Каждое живое существо обладает ею. Кто-то больше, кто-то меньше. И в Наруме все взаимосвязано. А сильнее всех связывает Джига. Джагаар чувствовал сильную связь, даже зов. И он волновался. Его миссия сурая началась слишком удачно.

«Грецкий орех» подлетел к красивой голубой планете. Моря, океаны, горы. Почти Аюбская атмосфера. Но планета, не кривил Джигой Джагаар, во много раз краше. Прелестно голубая. Слишком много воды. От корабля отделились несколько зонд-сканеров и устремились к планете. Скоро Джагаар будет знать про неё всё. Не беда, что сканеры эти не больше булавоочной головки. Информация стала поступать немедленно: состав атмосферы, почвы, воды. А главное – обнаружена жизнь. Разумная жизнь. Пусть в самом зачатке, но всё же жизнь. Вот она – сурайская удача. Хвала Джиге Нарума.

Почти полгода провел Джагаар на орбите голубой планеты и даже полюбил её. Её несуразные, гигантские, по его меркам, двуногие обитатели были почти дикие: ели мясо, воевали из-за всяких пустяков, но в то же время могли любить. Им не чужды были боль и сострадание, что вообще-то было редкостью. Религии «дикарей» были примитивны, но уже их присутствие давало «двуногим гигантам» огромный потенциал. Компьютер почти со стопроцентной вероятностью рассчитал все их войны, эпидемии, взлёты и падения и выдал результат – выживут и поднимутся очень высоко. По сравнению с аюбцами останутся детьми, но через пару тысяч лет полетят к звездам. Что же, миссия Джагаара была здесь окончена. Нужно отправляться дальше. Но что же так не даёт сураю покоя? Три дня молился Джагаар, глядя сквозь иллюминатор в голубую красоту, и, наконец, решился. Этот поступок даже для сурая покажется безумным. Он подарит этому миру знание о Джиге и Наруме. Не в этом ли его миссия? Не только познавать Нарум, но и учить его законам. Первые сураи-проповедники так и поступали. Так сделает и он.

* * * * *

Под раскидистым деревом с ярко-красными плодами рожала немолодая уже женщина. Схватки застали её в дороге, и лишь тень этого ветвистого исполина да забота двух служанок хоть как-то облегчали бедняжке муки. Лицо в поту, голову женщина облокотила о ствол...

Спустившись с дерева, крохотный паучок шустро юркнул роженице за отворот расстёгнутого платья. «Сейчас, милая, придется ещё чуть-чуть подождать, но тебе станет легче», – думал Джагаар. Это был именно он. Чуть заметный укол сока аюбской Батиссы, крохотный надрез возле пупа. Ещё мгновение – и тончайший зонд уже поместил крохотный серебряный имплант прямо в темечко ещё не рожденного младенца. Ни роженица, ни ребёночек так ничего и не заметили. А мощнейший компьютер «корабля-ореха» уже начал с орбиты вещать на только что установленный приемник «листы Нарума» – священную книгу мудрости древних аюбцев.

«Дело сделано, – думал Джагаар, – только выдержал бы мозг младенца. Но эти дети природы крепки, как никто во Вселенной. На всё воля Нарума...». Тончайшей нитью мелькнул телепортационный луч, и уже из кабины корабля Джагаар наблюдал, как на свет появился чудный здоровый малыш. Только волосы его были седые, как у древнего старика. Все-таки вмешательство сурая не прошло бесследно. «Маленький мой старичок, родимый, – ворковала счастливая и уставшая мать. – Я назову тебя Лао. Лао Цзы. Ты будешь великим человеком». А младенец смотрел на неё внимательными, не по-детски мудрыми глазами, и улыбался.

* * * * *

Компьютер рассчитал почти со стопроцентной вероятностью, что «крестник Джагаара» Лао Цзы уже скоро (по аюбским меркам) напишет трактат «Дао де Дзин» – переведенные и подогнанные под реалии планеты Земля «листы Нарума», станет основателем новой религии – даосизма, принесет в мир мудрость Нарумского масштаба, будет обожествлён, забыт, вернётся вновь... Но на всё воля Нарума.

Джагаар крепко спал в криосне. Ему снились хорошие сны. Он был счастлив. Нарум один для всех: и для маленьких паучков, и для больших людей. Ему все равны и все нужны. И он, сурай Джагаар, сделает всё, чтобы донести эту истину всем и во все уголки Вселенной. Его «корабль-орех» мчался в гиперпространстве. Одна лишь Джига знает, где он окажется через час, через неделю или никогда.

Икона

Я стоял перед старой, обитой облупившимся коричневым дермантином дверью на четвёртом этаже в таком же старом, местами потрескавшемся и вроде как покосившемся девятиэтажном доме, и не решался позвонить. Эта квартира была, наверное, одной из последних коммуналок в нашем городе, где крохотную десятиметровую комнатку до недавнего времени занимал мой добрый знакомый Баргуза Соломон Лавович, которого и я, и все соседи называли просто – Баргуза. Сколь необычно было его имя, столь же не похож на всех был и его носитель.

Большинство считало Баргузу странным, если не сказать больше. А я... Я, признаться, не знал умнее и порядочнее человека, чем старый Соломон. Возможно, я не в тех кругах встречался, но с тех пор, как познакомился с Баргузой, именно от него я получал самую интересную информацию практически по любому вопросу и самый дельный совет. В моих глазах он был мудрец, философ и, просто, человеколюб. Хотя, что я о нём знал? Ничего! Как и все окружающие его обыватели. Для всех без исключения старый Соломон оставался загадкой. Для кого-то чудаковатой, а для кого-то мистически непостижимой.

Познакомились мы с Баргузой случайно. В ту пору я заинтересовался сочинениями Льва Толстого, но не «Войной и миром» и не «Анной Карениной», а его философскими произведениями, такими как: «В чём моя вера», «Исповедь», «Царство божие внутри вас» и другими, раскрывающими, как мне тогда казалось, истину и обличающими набившее оскомину православное христианство. Все эти книги без труда можно было найти в интернете, но вот я люблю бумагу. Чувствовать ее, шуршать страницами.

Вот и зашел я в нашу маленькую библиотеку-читальню, где, признаться, не был, наверное, с детского сада. Пухленькая миловидная библиотекарь просмотрела мой список и с деланным огорчением заявила, что в их фондах такие книги не содержатся, что это редкость и мне бы следовало обратиться в «Публичку». «Хотя, – добавила она, – можете поговорить с Соломоном Лавовичем. Может быть, он Вам чем и поможет», – и указала на невзрачного бородатого старика, усердно протирающего пыль с немногочисленных полок книгохранилища.

Я оглянулся и обомлел: я хорошо помнил этого старика. Ещё будучи совсем ребенком, когда мама приводила меня сюда за «Мурзилкой» или «Котом в сапогах», я неизменно получал от «дедушки» вкусную шоколадную конфету. Помню, я был тогда уверен, что это настоящий «Дед Мороз», только почему-то без тулупа. «Он на летнем отдыхе», – шутила мама. Да, столько лет прошло. А старик совсем не изменился. Та же пышная борода, клетчатая фланелевая рубашка, штопанный пиджак, слегка помятые брюки, тяжеленные «неубиваемые» ботинки и толстенные пластмассовые очки, из-под которых глядели добрые голубые глаза. Соломон Лавович внимательно просмотрел мой список, почему-то усмехнулся и сказал: «Есть у меня книжки эти. Заходи вечером. Поболтаем...». Назвал номер квартиры в этом же доме, где была библиотека. Так началось наше знакомство.

Как уже все, наверное, поняли, работал Баргуза в библиотеке уборщиком и кем-то вроде охранника, то есть хмурил брови из под своих толстенных очков на расшумевшихся ребяташек, за что получал издевательски мизерную зарплату. Уже позже, когда отношения наши стали более дружескими, я неоднократно говорил ему: «Баргуза, вот ты умнейший мужик, работяга, ответственный. Ну чего ты прозябаешь, в этой „прости господи“ библиотеке? Денег не платят, отдыхать не дают...».

«Мне нравится, – отвечал он. – А деньги? Вот была раньше в Японии такая мера объема и денег – коку риса. Это такое количество риса, которое необходимо для прокорма одного человека в год. По нашему, где-то 150 – 160 кг, то есть – по полкило в день. Переведем на деньги – пятьдесят рублей за очень хороший рис. Полторы тысячи в месяц. Вот японцы... А я? Я тысячи три за комнатку отдаю. Столько же проедаю. Так с моих девяти ещё вон сколько остается. Тебя

запросто могу прокормить». И Баргуза не кривил душой. Сколько я его знаю, он никогда ни в чём не нуждался. Ел ли он что-то кроме хлеба, овсянки да каких-то трав, собранных им прямо под окнами своей комнатухи или выращенных на подоконнике в небольшом железном ящике – одному Богу известно. Но вот конфеты для детишек покупал исправно, хотя сам их не ел. «Зубы уже не те. Пускай молодежь порадуетя». Вот денег ему и хватало.

А комнатка его была похожа на монашескую келью: где-то два с половиной на четыре метра с единственным, никогда не знавшим штор окном, обклеенная вместо обоев старыми газетами. Тут были и «Правда», и «Известия», и «Советский спорт», все середины XX века, пожелтевшие, но ровненькие, затейливо перекрывающие и дополняющие друг друга. Из мебели – только раскладушка, хранящая старый солдатский матрац, такую же старую подушку и местами протертое шерстяное в клеточку одеяло, на древнем письменном столе с тумбой стояли маленькая электроплитка, сковородка, алюминиевая кастрюлька, алюминиевый же чайник, пара тарелок и кружек. В углу одиноко приютились единственный стул со спинкой и ведро, из которого торчала закутанная в тряпку швабра. И это всё. Никаких шкафов, комодов, полочек. Остальное пространство вдоль стен занимали стопки книг. Огромное множество аккуратно сложенных, ухоженных и явно не раз перечитанных экземпляров, излагающих человеческую мудрость и гений.

Вот из этого многообразия и выудил тогда Баргуза безошибочно именно те тома графа Толстого, которые содержали интересующие меня произведения и сказал: «На вот, читай. Только не особенно сердцем во всё это вдавайся. Подумай хорошенько. Здесь Толстой особый, новый путь в жизни открывает. Сможешь ли его принять? Большинство не может. У каждого ведь своя дорога. И лишь собственный опыт приведет к истине. Если не будет опыта, то ни поучения богословов, ни записки Льва Толстого, Конфуция, Лао Цзы и других мудрейших правды тебе не откроют». «Где же взять этот опыт?» – спросил я. «А ты вырасти дерево», – отвечал он, улыбаясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.